

Научная статья /
Research Article

УДК 82.09
ББК 83

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ ПОЛИТЕКСТУАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ В ЛИТЕРАТУРЕ

© 2021 г. Д.А. Молчанова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 05 февраля 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 27 марта 2021 г.

Дата публикации: 25 сентября 2021 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-3-40-55>

Аннотация: В статье рассматриваются политекстуальные комплексы, интегрируемые определенной геосоциальной локализацией, с целью установления теоретических оснований для выделения и изучения их с позиций литературоведения. Описание и систематизация филологических изысканий в области таких политекстуальных комплексов, как топосные тексты, или сверткесты, позволяет проследить тенденции к структуралистскому пониманию феномена, с одной стороны, и мифопоэтическому — с другой. Топосные тексты, обладающие интертекстуальной и смысловой общностью, предлагается рассматривать как палимпсестные семиотические образования, в которых отдельные художественные произведения связаны с тем или иным комплексом архетипических мотивов парадигматическими связями. Вследствие такого понимания предлагается более корректная терминология. С опорой на мифопоэтическую природу интертекстуальных комплексов осуществляется их отграничение от тематических единств, циклов, циклоидных ансамблей. Дается определение предложенному в статье термину — мегатекст.

Ключевые слова: топосный текст, Петербургский текст, сверткест, мегатекст, интертекстуальность, палимпсест.

Информация об авторе: Диана Анатольевна Молчанова — аспирант, Институт филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, д. 6, 125993 г. Москва, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2482-2653>

E-mail: dea.vampiria@gmail.com

Для цитирования: Молчанова Д.А. К вопросу о природе политекстуальных комплексов в литературе // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 3. С. 40–55.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-3-40-55>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 3, 2021

ON THE NATURE OF POLYTEXTUAL COMPLEXES IN LITERATURE

© 2021. Diana A. Molchanova

*Russian State University for the Humanities Moscow,
Russia*

Received: February 05, 2021

Approved after reviewing: March 27, 2021

Date of publication: September 25, 2021

Abstract: The article examines polytextual complexes integrated by certain geosocial localization. The aim is to establish theoretical grounds for highlighting and studying these complexes from the standpoint of literary studies. The description and systematization of philological studies in the field of such polytextual complexes as topos texts, or supertexts, allows us to trace the tendency towards a structuralist understanding of the phenomenon on the one hand and a mythopoetic interpretation on the other. Topos texts related by their intertextual and semantic connections are considered as palimpsest semiotic formations, in which individual texts are connected by paradigmatic links with a particular complex of archetypal motifs. The essay seeks to propose a more accurate terminology as a result of the mentioned analysis. It proposes distinguishing intertextual complexes from thematic unities, cycles, and cycloid ensembles relying on the mythopoetic nature of these complexes. Finally, the article gives a definition to the term “megatext” that it introduces.

Keywords: topos text, Petersburg text, supertext, megatext, intertextuality, palimpsest.

Information about the author: Diana A. Molchanova, PhD Student, Russian State University for the Humanities, Miuskaya sq. 6, 125993 Moscow, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2482-2653>

E-mail: dea.vampiria@gmail.com

For citation: Molchanova, D.A. “On the Nature of Polytextual Complexes in Literature.” *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 3, 2021, pp. 40–55. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-3-40-55>

С конца XX в. и по настоящее время литературоведение активно занимается изучением политекстуальных комплексов, интегрируемых определенной геосоциальной локализацией. Диапазон так называемых топосных текстов (др.-греч. τόπος — ‘место’), подвергшихся научному описанию, достаточно широк [1; 2; 4; 10; 12; 14; 16; 17], но в то же время остро ощущается проблема теоретического обоснования выделения такого подмножества текстов, весьма существенно различается понимание авторами этой категории, а также наблюдается избыточность, многозначность и омонимия в области терминологии. Для внесения некоторой ясности в сложившуюся ситуацию обратимся к началу начал — к первому русскому «городскому тексту» — и постараемся очертить тот аспект реальности, который был впоследствии обозначен как «сверхтекст». Затем проследим историю изучения данной категории и постараемся обнаружить «силовые линии», объединяющие различные понимания. В результате мы предполагаем очертить контур феномена с точки зрения литературоведения, обосновать необходимость его изучения, а также предложить соответствующую терминологию.

В 1922 г. вышла книга Н.П. Анциферова «Душа Петербурга», в которой ученый предпринял попытку проследить судьбу Петербурга не столько как города, сколько как явления духовной культуры, утверждая тем самым идею индивидуального, неповторимого и, что важно, самодовлеющего образа города. Н.П. Анциферов полагал, что образ этот рождается из «исторически проявляющегося единства всех сторон его [города] жизни (сил природы, быта населения, его роста и характера, его архитектурного пейзажа, его участия в общей жизни страны, духовного бытия его граждан)» [2, с. 48]. Познать и выразить это сложное целое более все-

го способны художники слова, наиболее чуткие представители русского общества. Проследивая развитие образа Петербурга в русской художественной литературе, ученый установил закономерность описаний северной столицы и отметил незначительную роль в них личных впечатлений [2, с. 23].

Ключевой фигурой для становления образа Петербурга был, несомненно, А.С. Пушкин. Талант поэта, «всемирная отзывчивость» его души вызвала к бытию Петербургский миф, подобно тому как единство воли Петра Великого воплотило идею города в косной материи. В поэме «Медный всадник» А.С. Пушкин «воскресил миф о борьбе бога солнца Мардука, победившего безобразную богиню Тиамат и из ее тупа создавшего, в качестве космократора, мир» [2, с. 70]. Мифологизация Петербурга произошла в результате накопления достаточного количества описаний города в художественной литературе, которые перешли в новое качество и воплотились в целостном образе пушкинского Медного всадника – *genius loci* Петербурга. Мотив борьбы творчества со стихиями [2, с. 59, 60], выпестованный в литературе, предшествовавшей А.С. Пушкину, оказался инвариантным по отношению к мотивам бунта, восстания стихий и гибели города [2, с. 96, 100, 105], города смерти [2, с. 125, 162, 194] и др., регулярно проявлявшимся в творчестве писателей XIX – начала XXI вв.

Следует, однако, помнить, что Н.П. Анциферов ставил перед собой скорее культурологическую, нежели литературоведческую задачу. Вклад ученого в изучаемую нами проблему состоит в том, что он впервые зафиксировал существование культурного феномена и обозначил корпус связанных с ним текстов, объединенных системой мотивов.

Спустя полвека В.Н. Топоров указал на существование Петербургского текста и определил его природу как мифопоэтическую [15, с. 194]. Петербургский текст как «некий синтетический свертхтекст» [16, с. 275] описывался им через обращение к основным текстам русской литературы, связанным с Петербургом. Эти тексты ученый объединял в ядро, «которое представляет собой некую совокупность вариантов, сводящихся в принципе к единому источнику» [16, с. 279]. Эта модель, по мнению В.Н. Топорова, «отчасти аналогична соотношению типа сказки и ее вариантов» [16, с. 336]. О том, что перед нами соответствующий текст (вариант), мы можем узнать по «густоте» диагностически важных показателей, локально-топографиче-

ских и временных классификаторов — знаков «локально»-петербургского словаря [15, с. 207; 16, с. 271, 280].

Семантическая связность Петербургского текста и единообразия описаний города обеспечиваются «сакральной структурой», которая по своей природе подобна подтексту, «просвечивающему» сквозь весь массив. В этой глубинной структуре Петербургского текста царит «двоевластие природы и культуры» [16, с. 289], что и задает систему отношений между элементами на всех уровнях входящих в него субтекстов (подобно набору функций в волшебной сказке, согласно В.Я. Проппу).

В целом, в Петербургском тексте В.Н. Топорова узнается «мифопо-рождающее текстовое устройство» (Ю.М. Лотман). В статье «Текст в тексте» Ю.М. Лотман называет такого рода устройство текстом-кодом и понимает под ним промежуточное звено между языком и текстами, служащее для организации адекватной передачи значений (за счет общности текста-кода для представителей данной культуры). В пространстве культуры текст-код может существовать в виде конкретного «идеального» образца (например, «Энеида» Вергилия для литературы Возрождения и классицизма — пример Ю.М. Лотмана) или же в виде «субъективно-неосознанного механизма» [6, с. 150]. Этот механизм может быть «осознан» в результате исследовательского метаописания. В таком случае Петербургский текст — это текст-код, синтагматически организованная структура знаков (каждый из которых может быть, в свою очередь, развернут в парадигму), которая реализуется в виде вариантов — в субтекстах. К такому же типу «устройство» относится уже упомянутая модель волшебной сказки.

В статье Ю.М. Лотмана «Символика Петербурга и проблемы семиотики города» интересующий нас феномен топосных текстов рассматривается в ином аспекте, как специфическая семиотическая система с городом в центре. Ученый объясняет возможность такого рода мифологизации самой природой города как культурного феномена. Во-первых, город — это сложный семиотический механизм, возникающий в результате «стыковки различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов» [5, с. 212]. Во-вторых, позиция центра или периферии имеет различный культурный потенциал. Так, эксцентрическое положение города (в частности, в результате переноса столицы из центра — естественно возникшего города, на периферию — в «рукотворный» город) актуализирует антитезу

«природное-искусственное» и ведет к переакцентуации «старого-нового», «своего-чужого». В связи с этим и возникает потребность в текстопорождающей рефлексии. Например, искусственно созданный на периферии город Петербург имеет все предпосылки к мифологизации, так как он принципиально лишен истории, и петербургский миф (в виде городского фольклора) заполняет эту лауну. Затем уже литература «канонизирует» устное народное творчество о городе и делает мифологию города фактом национальной культуры. «Ядро» городского текста, таким образом, закономерно возникает в пространстве культуры вокруг топосов с повышенной «знаковостью».

Следующей вехой на пути исследования городских текстов можно считать научный вклад Н.Е. Меднис. Она расширила список семантически выделенных городов, включив в него Рим, Флоренцию, Венецию, Афины, Фивы, Москву и связала способность тех или иных городов генерировать вокруг себя литературный текст с «особенностями их метафизической ауры и спецификой менталитета нации или лица-реципиента» [13, с. 108].

Н.Е. Меднис для обозначения городских текстов использовала термин «сверхтекст», и ее понимание феномена существенно отличается от описанных выше. «Сверхтекст» — не текст-код, не мифопоэтическая инвариантная структура, а «сложная система интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [13, с. 112].

Отталкиваясь от определения сверхтекста, данного Н.А. Купиной и Г.В. Битенской («совокупность высказываний, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями нормативного/анормального» [3, с. 215]), а также от смежных понятий гипертекст и интертекст, Н.Е. Меднис сформулировала специфические признаки исследуемой категории.

Структура сверхтекста описывается как центр (ядро) — периферия. В его центре в виде концептуального представления сфокусирован внеположенный сверхтексту объект. Следовательно, для возникновения сверхтекста необходим устойчивый внетекстовый фундамент и воспринимающий его как предметно-смысловое единство субъект. Такая система текстов, как сверхтекст, — результат синхронического подхода к литературе, поэтому он

может и должен быть воспринят не как протяженный во времени, а как развернутый в пространстве.

Для восприятия сверхтекста принципиально важно знание определенного круга ядерных субтекстов. Именно они задают законы художественного языка, который, как мы видели у В.Н. Топорова, считается диагностическим фактором. Отличие же от концепции Петербургского текста русской литературы состоит в том, что отношения между единицами художественного языка уже не определяются сакральной структурой, не заданы как универсальная мифопоэтическая схема, а просчитываются с опорой на ключевые тексты.

Наконец, немаловажную, если не первостепенную роль для сверхтекста играет событие его метаописания. Культурно и исторически значимые явления как бы подталкивают художников слова к творческой рефлексии, после чего те же «точки пульсации культуры» побуждают ученого интерпретировать систему текстов.

В таком случае сверхтекст представляется нам результатом совместного «мифотворчества» писателей и ученых (в некоторых случаях, возможно, только ученых). Способность сверхтекста влиять на восприятие объекта действительности (см. у Н.Е. Меднис [13, с. 106]) может сделать его (сверхтекст) инструментом манипуляций в руках недобросовестного ученого.

Подведем промежуточный итог. В.Н. Топоров открыл Петербургский текст как единственный в своем роде синтетический текст-миф о городе, но тем самым ввел в фокус зрения литературоведения совокупности текстов, как минимум тематически объединенных вокруг культурно значимого локуса. Тем не менее объединение текстов в группу только на основании темы (или отнесенности к одному временному отрезку, локусу, принадлежности одному автору и др.) приводит к неразличению и сведению к общему знаменателю таких «надтекстовых» образований, как сверхтексты, циклы, циклоидные ансамбли и др. (см. работы А.Г. Лошакова [7–9]).

На современном этапе в литературоведении существует и несколько иное понимание феномена, обозначенного нами как политекстуальные комплексы, объединенные геосоциальной локализацией.

В.И. Тюпа предлагает подход, в рамках которого Петербургский текст, описанный В.Н. Топоровым, и подобные ему синтетические образования представляют собой интертекстуальный комплекс [18, с. 252–272].

В одном из возможных пониманий интертекстуальность подразумевает парадигматические связи отдельных текстов с общим для них архетипическим сюжетом (так можно было бы обозначить связь вариантов сказки с ее инвариантом). В отличие от концепции, разработанной В.Н. Топоровым, сверхтекст мыслится не как структура «центр — периферия», а как напластование текстов (палимпсест), в каждом из которых проявляется, как бы «проступает» базовый для всего текстового единства комплекс мотивов.

Возникновение топосных текстов, обладающих интертекстуальной и смысловой общностью, объясняется уникальным сочетанием условий (исторических, географических, климатических и проч.), которые концептуализируются представителями данной культуры как предметно-смысловое единство. Для литературоведения они представляют интерес в той мере, в какой способны создавать особый архетипический хронотоп — способ присутствия «я-в-мире».

Перед тем как обозначить существенные признаки такого рода политекстуальных образований, сделаем несколько уточнений по поводу термина.

Смысловое наполнение термина «сверхтекст» варьируется от исследователя к исследователю («синтетический сверхтекст, с которым связываются высшие смыслы и цели» у В.Н. Топорова, «сложная система интегрированных текстов» у Н.Е. Меднис, «ряд отмеченных ассоциативной общностью текстов» у А.Г. Лошакова и др.), к тому же учеными регулярно отмечается тенденция к смешению терминов сверхтекст, гипертекст, интертекст, метатекст (Н.Е. Меднис, А.Г. Лошаков и др.). Кроме того, с точки зрения внутренней формы термин не вполне соответствует подразумеваемой категории. Приставка *сверх-* в русском языке имеет значение ‘главный’ (сверхзадача, сверхдержава), ‘превышающий меру’ (сверхскорость), ‘вне связи с чем-либо’ (сверхчеловек, сверхъестественный). Вследствие этого сверхтекст может осмысляться, скорее, как некий текст, стоящий *выше* других текстов. Н.Е. Меднис отмечает возможность аксиологизации этого термина и использования его по отношению к сверхзначимым текстам культуры (со ссылкой на статью Д.М. Магомедовой и Н.Д. Тамарченко «“Сверхтекст” и “сверхдеталь” в русской и западной культуре» [11]). В таком случае сверхтекстами могут считаться «Евгений Онегин» или «Война и мир» — для русской литературы, «Дон-Кихот» — для испанской, «Гамлет» — для английской и др.

Нам кажется более целесообразным термин, предложенный В.И. Тюпой, — «мегатекст» (ср.: *мегаполис* — ‘город, образовавшийся в результате слияния нескольких городов или населенных пунктов’). В статье «Мифопоэтика сопряжения художника и жизни» читаем следующее определение: «Сопряжение и взаимоналожение текстов в пределах архетипически единого, но ценностно неоднозначного семантического поля образует особое смысловое пространство, которое может быть названо мегатекстовым» [19, С. 122].

В первую очередь отметим, что тематическое единство или ассоциативный ряд текстов оказываются в сравнении с мегатекстом искусственными образованиями, лишенными исследовательского потенциала. Их группировка и описание не предлагают нового измерения для анализа. В то же время общность темы или соотнесенность с одним и тем же объектом действительности не являются достаточным диагностическим показателем принадлежности текста к мегатексту. Даже единство художественного языка, «густота языковых элементов» (В.Н. Топоров) не являются достаточным основанием для объединения текстов в мегатекст. Подобие текстов на уровне языка в такой же мере следствие их мифологической субструктуры, в какой фенотипическое сходство живых организмов задано общностью их генетического кода.

Для того чтобы описать наше понимание мегатекста, сопоставим его с другими интертекстуальными единствами.

Такие циклоидные ансамбли, как литературные инсталляции (альманахи, антологии и др.), включают в себя разнородные и самостоятельные тексты, между которыми возникают не интертекстуальные, а лишь более слабые контекстуальные связи. При этом, в отличие от мегатекста, литературные инсталляции обладают композиционным членением.

Серии произведений могут быть объединены в жанровом или тематическом отношении, что для мегатекста, наоборот, не характерно. Интертекстуальные связи мегатекста, как уже отмечалось, обеспечиваются не общностью жанровых характеристик, а комплексом архетипических мотивов.

Существенные отличия мегатекстов от собственно циклов заключаются в следующем: во-первых, субтексты, входящие в мегатекст, не образуют по отношению друг к другу контекста и не задают магистрально-

го направления их прочтения (тексты в ансамбле взаимодополнительны), во-вторых, изъятие текста из мегатекста не разрушает интертекстуальное единство, в-третьих, мегатекст асинтагматичен (отсутствует упорядоченность, правила следования текстов друг за другом), наконец, цикл — художественная целостность, в то время как мегатекст может быть эстетически завершен только в отдельных своих субтекстах.

Асинтагматичность мегатекста сближает его с гипертекстом, но принципиальное различие между данными терминами состоит в том, что под гипертекстом традиционно понимается совокупность ассоциативно объединенных текстов, снабженная системой гиперссылок — «материализовавшихся» аллюзий. Мегатекст же не предполагает системы гиперссылок, и ассоциативных связей отнюдь не достаточно для формирования мегатекстового единства.

Метаописание также не является достаточным условием для возникновения мегатекста. Термин «метатекст» в одном из пониманий подразумевает текст, возникший как результат комментирования, описания или анализа некоторого исходного текста. В исследованиях лингвистов (А. Вежицкая, В.А. Лукин) данный термин служит наименованием для системы «метаорганизаторов», «метатекстовых нитей», скрепляющих текст: речевых клише, устойчивых сочетаний слов и т. п. Существенное отличие мегатекста от метатекста состоит в том, что мегатекстовое единство — интертекстуальное образование, возникающее в поле культуры независимо от исследовательской инициативы, а связность и цельность мегатекста обеспечиваются не за счет метаязыковых единиц, а благодаря единству мотивной структуры.

Итак, мегатекст — это асинтагматическая семантическая структура палимпсестного типа, в рамках которой эстетически завершенные тексты, разнородные в жанровом отношении, являются вариантом по отношению к инварианту — комплексу архетипических мотивов.

Отметим, что термин мегатекст (*megatext*) существует и в зарубежном литературоведении. Он может выступать в качестве синонима к термину “*supertext*” (сверхтекст) и обозначать корпус текстов, обладающий внутренней связностью и автономией и представляющий собой семиотическую систему «второго порядка». Брайан Джонстон (*Brian Johnston*) в своей книге “*Text and Supertext in Ibsen’s Drama*” [23] использует указанные термины

ны для обозначения таких «резервуаров» культуры, как корпус греческих мифов — “the megatext of the Greek mythopoeic systems” или «романтический сверхтекст» — “the Romantic supertext” (см. также Charles Segal “Greek Myth as a Semiotic and Structural System and the Problem of Tragedy” [25]).

В актуальном для нас значении термин «мегатекст» используется в работах, посвященных научной фантастике и фэнтези. Так, в работе Дэмьена Бродерика (Damien Broderick) “Reading by Starlight: Postmodern Science Fiction” находим следующую формулировку: общий мегатекст, построенный из взаимно наложенных текстов (“the extensive generic mega-text built up over fifty years, even a century, of mutually imbricated SF texts” [20, p. 59]; см. также: Christine Brooke-Rose “A Rhetoric of the Unreal: Studies in Narrative and Structure Especially of the Fantastic” [21], Allen J. Stroud “The Evolving Megatext of Fantasy” [26]).

Наконец, в зарубежном литературоведении существуют работы, продолжающие традицию описания «петербургского текста» В.Н. Топорова (см. например: Maija Könönen “‘Four Ways of Writing the City’: St. Petersburg-Leningrad as a Metaphor in the Poetry of Joseph Brodsky” [24]). Следует также отметить работу Джереми Хаттона (Jeremy M. Hutton) “The Transjordanian Palimpsest: The Overwritten Texts of Personal Exile and Transformation in the Deuteronomistic History” [22], в которой ряд священных текстов объединяется мотивом пересечения реки Иордан, которая получает таким образом статус топоса особой культурной значимости, на основе которого возникает, пользуясь термином В.И. Тюпы, лиминальный (пороговый, переходный) хронотоп.

Изучение мегатекста в предложенном нами понимании следует осуществлять с опорой на лежащий в его основе мифологический подтекст, который обеспечивает единство политекстуального комплекса, «узаконивает» особую культурную ценность отраженной в нем внетекстовой реальности и обеспечивает верифицируемость результатов. Мы можем с большой степенью уверенности утверждать, что некий природный или социальный феномен независимо от воли филолога-исследователя имеет повышенную культурную значимость, если его осмысление осуществляется разными авторами в разное время в рамках единой для всех (архетипической) концептуальной модели.

Список литературы

Исследования

- 1 *Абашев В.В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. 404 с.
- 2 *Анциферов Н.П.* Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга. М.: Книга, 1991 (Репринтное воспроизведение изданий 1922–1924 гг.). 540 с.
- 3 *Купина Н.А., Битенская Г.В.* Сверхтекст и его разновидности // Человек. Текст. Культура. Екатеринбург: АО «Полиграфист», 1994. С. 214–233.
- 4 Локальные тексты и типы региональных нарративов // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. Вып. 4. 496 с.
- 5 *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // История и типология русской культуры. СПб.: «Искусство — СПб», 2002. С. 208–220.
- 6 *Лотман Ю.М.* Текст в тексте // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и топологии культуры. С. 148–160.
- 7 *Лошаков А.Г.* Об авторской парадигме сверхтекстов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 71. С. 50–57.
- 8 *Лошаков А.Г.* Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен. Архангельск: Поморский ун-т, 2007. 344 с.
- 9 *Лошаков А.Г.* Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 66. С. 100–109.
- 10 *Люсьий А.П.* Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003. 314 с.
- 11 *Магомедова Д.М., Тамарченко Н.Д.* «Сверхтекст» и «сверхдеталь» в русской и западной культуре // Дискурс: Коммуникативные стратегии культуры и образования. 1998. № 7. С. 24–29.
- 12 *Меднис Н.Е.* Венеция в русской литературе. Новосибирск: НГУ, 1999. 392 с.
- 13 *Меднис Н.Е.* Текст и его границы (к проблеме сверхтекста) // Поэтика и семиотика русской литературы. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 100–112.
- 14 «Московский текст» русской культуры // Лотмановский сборник. М.: Изд-во РГГУ, 1997. Вып. 2. С. 483–836.
- 15 *Топоров В.Н.* О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс; Культура, 1995. С. 193–258.
- 16 *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: Введение в тему // *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс; Культура 1995. С. 259–367.
- 17 *Тюпа В.И.* Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.

- 18 *Тюна В.И.* Анализ художественного текста. М.: Академия, 2009. 336 с.
- 19 *Тюна В.И.* Мифопоэтика сопряжения художника и жизни // Новый филологический вестник. 2011. № 3. С. 122–137.
- 20 *Broderick D.* Reading by Starlight. London: Routledge. 1995. 224 p.
- 21 *Brooke-Rose Ch.* A Rhetoric of the Unreal: Studies in Narrative and Structure Especially of the Fantastic. Cambridge: Cambridge University Press. 1981. 446 p.
- 22 *Hutton J.M.* The Transjordanian Palimpsest: The Overwritten Texts of Personal Exile and Transformation in the Deuteronomistic History. Berlin; New York: de Gruyter, 2009. 449 p.
- 23 *Johnston B.* Text and Supertext in Ibsen's Drama. Penn State University Press. 1989. 308 p.
- 24 *Könönen M.* "Four Ways of Writing the City": St. Petersburg-Leningrad as a Metaphor in the Poetry of Joseph Brodsky. Helsinki: Helsinki University Press, 2003. 340 p.
- 25 *Segal Ch.* "Greek Myth as a Semiotic and Structural System and the Problem of Tragedy". Arethusa. The Johns Hopkins University Press. 1983. Vol. 16, no. 1/2. P. 173–198.
- 26 *Stroud A.J.* The Evolving Megatext of Fantasy. URL: https://www.academia.edu/35932186/The_Evolving_Megatext_of_Fantasy (дата обращения: 12.03.2021).

References

- 1 Abashev, V.V. *Perm' kak tekst. Perm' v russkoi kul'ture i literature XX veka* [*Perm as a Text. Perm in the 20th Century Russian Culture and Literature*]. Perm, Perm State University Publ., 2000. 404 p. (In Russ.)
- 2 Antsiferov, N.P. *Dusha Peterburga. Peterburg Dostoevskogo. Byl' i mif Peterburga* [*The Soul of Petersburg. Dostoevsky's Petersburg. The Authentic History and Myth of Petersburg*]. Moscow, Kniga Publ., 1991. (Published by "Brockhaus-Efron", 1922–1924). 540 p. (In Russ.)
- 3 Kupina, N.A., Bitenskaia, G.V. "Sverkh tekst i ego raznovidnosti" ["Supertext and its Kinds"]. *Chelovek. Tekst. Kul'tura* [*Human. Text. Culture*]. Ekaterinburg, AO "Poligrafist" Publ., 1994, pp. 214–233. (In Russ.)
- 4 "Lokal'nye teksty i tipy regional'nykh narrativov" ["Local Texts and Types of Regional Narratives"]. *Literatura Urala: istoriia i sovremennost': sb. st.* [*Ural Literature: History and Modernity: Collection of Essays*], issue 4. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2008. 496 p. (In Russ.)
- 5 Lotman, Iu.M. "Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda" ["The Symbolism of Petersburg and the Problems of Urban Semiotics"]. *Istoriia i tipologiia russkoi kul'tury* [*History and Typology of Russian Culture*]. St. Petersburg, "Iskusstvo – SPB" Publ., 2002, pp. 208–220. (In Russ.)
- 6 Lotman, Iu.M. "Tekst v tekste" ["Text within a Text"]. Lotman, Iu.M. *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [*Selected Essays: in 3 Vols.*], vol. 1. Tallin, "Aleksandra" Publ., 1992, pp. 148–160. (In Russ.)
- 7 Loshakov, A.G. "Ob avtorskoi paradigme sverkh tekstov" ["On the Author's Paradigm of Supertexts"]. *Izvestiia RGPU im. A.I. Gertsena*, no. 71, 2008, pp. 50–57. (In Russ.)
- 8 Loshakov, A.G. *Sverkh tekst kak slovesno-kontseptual'nyi fenomen* [*Supertext as a Verbal and Conceptual Phenomenon*]. Arkhangelsk, Pomor State University Publ., 2007. 344 p. (In Russ.)
- 9 Loshakov, A.G. "Sverkh tekst: problema tselostnosti, printsipy modelirovaniia" ["Supertext: The Issue of Integrity, Modeling Principles"]. *Izvestiia RGPU imeni A.I. Gertsena*, no. 66, 2008, pp. 100–109. (In Russ.)
- 10 Liusyi, A.P. *Krymskii tekst v russkoi literature* [*Crimean Supertext in Russian Literature*]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2003. 314 p. (In Russ.)
- 11 Magomedova, D.M., Tamarchenko N.D. "Sverkh tekst i sverkh detal' v russkoi i zapadnoi kul'ture" ["Supertext and Superdetail in Russian and Western Culture"]. *Diskurs: Kommunikativnye strategii kul'tury i obrazovaniia*, no. 7, 1998, pp. 24–29. (In Russ.)
- 12 Mednis, N.E. *Venetsiia v russkoi literature* [*Venice in Russian Literature*]. Novosibirsk, NSU Publ., 1999. 392 p. (In Russ.)

- 13 Mednis, N.E. "Tekst i ego granitsy (k probleme sverkh teksta)" ["Text and its Borders (On the Question of Supertext)"]. *Poetika i semiotika russkoi literatury* [Poetics and Semiotics of Russian Literature]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2011, pp. 100–112. (In Russ.)
- 14 "Moskovskii tekst russkoi kul'tury" ["Moscow Text of Russian Culture"]. *Lotmanovskii sbornik* [Lotman Collection], issue 2. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1997, pp. 483–836. (In Russ.)
- 15 Toporov, V.N. "O strukture romana Dostoevskogo v svyazi s arkhainymi skhemami mifologicheskogo myshleniia ("Prestuplenie i nakazanie")" ["On the Structure of Dostoevsky's Novel in Relation to Archaic Schemes of the Mythological Worldview"]. Toporov, V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image. Research on Mythopoetics: Selected Works]. Moscow, Progress Publ., Kul'tura Publ., 1995, pp. 193–258. (In Russ.)
- 16 Toporov, V.N. "Peterburgskii tekst russkoi literatury: Vvedenie v temu" ["Petersburg Text in Russian Literature: Introduction"]. Toporov, V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image. Research on Mythopoetics: Selected Works]. Moscow, Progress Publ., Kul'tura Publ., 1995, pp. 259–367. (In Russ.)
- 17 Tiupa, V.I. "Mifologema Sibiri: k voprosu o 'sibirskom tekste' russkoi literatury" ["Mythologem of Syberia: On 'Siberian Text' in Russian Literature"]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 1, 2002, pp. 27–35. (In Russ.)
- 18 Tiupa, V.I. *Analiz khudozhestvennogo teksta* [The Analysis of a Literary Text]. Moscow, Akademiia Publ., 2009. 336 p. (In Russ.)
- 19 Tiupa, V.I. "Mifopoetika sopriazheniia khudozhnika i zhizni" ["Mythopoetics of Relation between Artist and Life"]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 3, 2011, pp. 122–137. (In Russ.)
- 20 Broderick, Damien. *Reading by Starlight*. London, Routledge. 1995. 224 p. (In English)
- 21 Brooke-Rose, Christina. *A Rhetoric of the Unreal: Studies in Narrative and Structure Especially of the Fantastic*. Cambridge, Cambridge University Press, 1981. 446 p. (In English)
- 22 Hutton, Jeremy M. *The Transjordanian Palimpsest: The Overwritten Texts of Personal Exile and Transformation in the Deuteronomistic History*. Berlin, New York, de Gruyter, 2009. 449 p. (In English)
- 23 Johnston, Brian. *Text and Supertext in Ibsen's Drama*. Pennsylvania, Penn State University Press, 1989. 308 p. (In English)
- 24 Könönen, Maija. *Four Ways of Writing the City": St. Petersburg-Leningrad as a Metaphor in the Poetry of Joseph Brodsky*. Helsinki, Helsinki University Press, 2003. 340 p. (In English)

- 25 Segal, Charles. "Greek Myth as a Semiotic and Structural System and the Problem of Tragedy". *Arethusa*. Baltimore, The Johns Hopkins University Press, vol. 16, no. 1/2, 1983, pp. 173–198. (In English)
- 26 Stroud, Allen J. *The Evolving Megatext of Fantasy*. Available at: https://www.academia.edu/35932186/The_Evolving_Megatext_of_Fantasy (Accessed 24 March 2021). (In English)